

БЕЛОВА Н. А., НЕКАЕВА В. Н.

**ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРИЦАТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
В ЗНАЧЕНИИ СОБСТВЕННЫХ В ЛИРИКЕ М. И. ЦВЕТАЕВОЙ 1917–1921 ГОДОВ**

Аннотация. В статье представлены основные результаты исследования особенностей употребления нарицательных существительных в значении имен собственных в лирике М. И. Цветаевой 1917–1921 годов. Внимание авторов сосредоточено на выявлении круга объектов, которые обозначаются в текстах поэтессы нарицательными существительными в значении собственных, выделении их семантических групп, определении стилистических функций, выполняемых данными языковыми единицами в поэтических текстах.

Ключевые слова: нарицательные существительные, имена собственные, онимизация, стилистические функции, поэтический текст, идиостиль.

BELOVA N. A., NEKAEVA V. N.

**FEATURES OF USING COMMON NOUNS IN THE MEANING OF PROPER NOUNS
IN THE POETRY OF M. I. TSVETAEVA OF 1917-1921**

Abstract. The article presents the main results of a study of the peculiarities of the use of common nouns in the meaning of proper names in the poetry of M. I. Tsvetaeva of 1917–1921. The authors' attention is focused on identifying the range of objects that are referred in the poetic texts by common nouns in the meaning of proper nouns, identifying their semantic groups, and determining the stylistic functions performed by these linguistic units in poetic texts.

Keywords: common nouns, proper names, onymization, stylistic functions, poetic text, idiostyle.

Актуальность нашего исследования определяется недостаточной изученностью роли нарицательных имён в значении собственных в художественном тексте, в частности в поэтических произведениях М. И. Цветаевой. Выявление специфики употребления и стилистических функций данных языковых единиц в лирике поэтессы позволяет, на наш взгляд, более глубоко представить в целом особенности её идиостиля, философско-художественное осмысление поэтессой окружающего мира.

Под именем собственным (онимом) Н. В. Подольская понимает «слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов; его индивидуализацию и идентификацию...» [5, с. 91], т.е. без установления соответствия между свойствами обозначаемого предмета и тем значением (или значениями), которое имеет (или

имело) данное слово, словосочетание или предложение. Онимизация определяется ей как «переход апеллятива или апеллятивного словосочетания через смену функции в имя собственное и его дальнейшее развитие в любом классе онимов» [5, там же]. Научному описанию закономерностей перехода нарицательных имён существительных в собственные посвящены работы Н. С. Валгиной, Д. Э. Розенталя, М. И. Фоминой [6] и других ученых, которые указывают, что имя нарицательное тогда становится собственным, когда обозначает единичный предмет или явление. В. П. Нерознак и Р. З. Ханичев в статье, отражающей результаты изучения онимизации, отмечают, что в лексическом фонде языка принято выделять два основных лексических страта – имена нарицательные (апеллятивы) и имена собственные (онимы).

Переход имен собственных в имена нарицательные называется деонимизацией, которая является обратным процессом от другой разновидности взаимодействия имени собственного и имени нарицательного в лексической системе языка – онимизации, т. е. перехода имени нарицательного в имя собственное [4]. А. В. Суперанская выделяет следующие особенности собственных имён, которые отличают данные существительные от нарицательных слов: 1) название индивидуального объекта, а не обозначение класса предметов; 2) отсутствие четкой однозначной коннотации и связи с понятием [8]. Исследованию имен нарицательных, образованных от имен собственных, посвящена работа А. В. Солнцевой, которая отмечает, что «имена собственные могут переходить в разряд нарицательных, не подвергаясь каким-либо изменениям, либо подвергаясь аффиксации, а также аббревиации» [7, с. 175]. Е. А. Москаленко в статье «Лингвистическая сущность корреляции имени собственного и имени нарицательного» рассматривает лингвистические особенности имён собственных и нарицательных, их общие и дифференциальные признаки: 1) нарицательное имя указывает на класс, к которому относится объект, имеет основную и добавочные коннотации, «именуемый нарицательным именем объект (за исключением объекта, участвующего в данной конкретной речевой ситуации) неопределён и неограничен», имеет общее значение, может обозначать абстрактное явление; 2) имя собственное обозначает индивидуальный предмет, «объект, именуемый собственным именем, всегда определен и конкретен» [3, с. 186].

Исследованием нарицательных слов в значении имени собственного в контексте художественного произведения занимались А. А. Чернобров [10], Э. Б. Магазаник [2] и др., однако основное внимание ученые уделяли функционированию имен нарицательных в составе фамилий персонажей.

Целью нашего исследования, основные результаты которого отражены в данной статье, является выявление особенностей употребления и стилистических функций нарицательных имён существительных в значении собственных в лирике М. И. Цветаевой 1917–1821 годов.

В процессе работы мы опирались на подход Д. И. Ермоловича, который в семантике имени собственного определяет следующие компоненты [1]:

1) бытийный – имя собственное раскрывает «существование и предметность обозначаемого: этот компонент значения представляет собой как бы свернутое сообщение: «Существует такой предмет»;

2) классифицирующий – отражает то, что обозначаемый предмет принадлежит определенному классу (например, слово «Полина» указывает на то, что называемый объект относится к классу «человек женского рода»), то есть реализуется следующее свернутое сообщение: Этот предмет – человек женского рода;

3) индивидуализирующий – референт имени, то есть имя собственное указывает на то, что имя обозначает конкретный объект, который зовут определенным образом, соединение всех трех компонентов преподносит следующую информацию: «Есть такой человек, который зовется Полиной»;

4) характеризующий – признаки референта, «достаточные для понимания собеседниками, о чем или о ком идет речь, данный компонент значения, к примеру имя собственное Пушкин, представляет собой как бы свернутое сообщение: «это величайший русский поэт и писатель, основоположник новой русской литературы, создатель русского литературного языка»; наиболее явно характеризующий семантический компонент проявляется у «говорящих» фамилий в художественных произведениях или прозвищах, данных человеку, так как они, как правило, отражают определенные особенности обозначаемого предмета (например, Скотинин – «Недоросль» Д. И. Фонвизин) [1, с. 12]. Ученый отмечает, что первые два компонента – бытийный и классифицирующий – наблюдаются и у имен нарицательных. В свою очередь, индивидуализирующий компонент характерен только для имени собственного.

Семантика имени собственного выделяется на языковом и речевом уровнях. На языковом уровне имя собственное обладает такими компонентами (которые могут быть выделены без учета контекста), как бытийный, классифицирующий, индивидуализирующий и характеризующий (последний компонент не всегда находит проявление), то есть имя собственное обозначает конкретный индивидуальный предмет и указывает на то, что он относится к определенному

классу, а также объединяет в себе представления об определенном лице. На речевом уровне значение имени собственного проявляется в рамках контекста.

В лирике М. И. Цветаевой 1917–1921 годов [9] методом сплошной выборки нами было выявлено 127 примеров использования нарицательных слов в значении имен собственных, при этом некоторые из них служат для обозначения конкретного одушевленного лица, а другие являются средством одушевления абстрактных понятий.

Имена нарицательные в значении собственных используются для **обозначения конкретного одушевленного лица** (Бог, Мирская Жена, Птица-Феникс, Собеседница и Наследница, Мать, Царь Давид, Воин, Голос, «перед Тобой», Муж, Самозванец, Лжемарина, Всадник, Гад, Голубица, Царь, Крылатый, Монархиня-мать, Царь Саул, Вождь, Змей, Земля, Дьяволица, богиня Верности, Иверская Мати) – всего выявлено 59 случаев. Устойчивой повторяемостью как имена нарицательные в значении собственных обладают лексемы *мать, царь, воин, змей, гад*. Среди этих лексических единиц особо стоит подчеркнуть слова, **обозначающие библейских героев**, отсылающие нас к религии: Птица-Феникс, Царь Давид, Мать, Царь Саул, Змей, Иверская Мати, Троединый, Отец, Ангел – всего 24 лексемы. Ряд имён нарицательных в значении собственных, в отличие от вышеупомянутых, называют личностей религиозного цикла **метафорически**: Мирская Жена – Богородица, Воин, Муж, Всадник, Гад-змей, Голубица, Крылатый – конь Георгия, Дьяволица. Это объясняется стремлением поэтессы придать образам максимальную экспрессивность и включить их в метакультурный фон, соединяющий миф и современность. Прибегает М. И. Цветаева и к использованию перифразы в лексеме «богиня Верности». Также выделяется лексема, обозначающая явление природы, но в контексте стихотворения М. И. Цветаевой становящаяся именем лирической героини – Буря, что позволяет нам отнести ее к данной группе: Буря – лирическая героиня становится «литературной маской» и самого автора. Отдельно стоит остановиться на лексеме Лжемарина – это неологизм, созданный Цветаевой на словообразовательной базе слова «Лжедмитрий» с помощью префикса *лже-*. Использование этого слова как имени собственного в контексте лексемы *Лжедмитрий* становится прекрасной воздействующей деталью, создаваемой за счёт словотворчества автора, эксперимента поэта со словообразованием.

Имена нарицательные в значении собственных могут использоваться для обозначения **абстрактного явления** (Смерть, Промысел, Мир, Лира, Красота, Душа, Зависть, Ревность, Нежность, Жалость, Бессонница, Любовь, Победа, Побег, Возмездье, Муза) – всего 43 лексемы. Наиболее частотными оказались следующие лексемы: *мир* (используемая в контексте четырех

стихотворений), *лира* и *победа* (повторяющиеся в трёх стихотворениях) и словоформа *нежность* (встречающаяся в двух произведениях). М. И. Цветаева использует **существительные отвлеченные**, которые можно разделить на несколько **семантических групп**. Можно выделить абстрактные существительные, называющие чувства (Зависть, Ревность, Нежность, Жалость, Любовь), абстрактные признаки (Красота), опредмеченные действия (Побег, Возмездье), состояния (Смерть, Бессонница), нечто умозрительное, духовное, которое существует лишь в сознании человека (Лира, Душа, Муза, Мир).

Также имена нарицательные в значении собственных могут использоваться для обозначения **конкретных явлений действительности, предметов материального мира** (Перст, Книга Царств, Верста, Земля, Раса, Гнездо и Дом, Лик, Столица, Сон, Слово, Шатер, Царство, Осьмнадцатый век, Война, Двадцатый Год, Двадцатый Век, Ассамблея). Данная группа является одной из самых малочисленных (18 случаев), в чем сказывается тяготение автора к использованию абстрактных понятий или слов-символов, поддающихся активной метафоризации. Даже слова, обозначающие конкретные явления действительности, выполняя в стихотворении М. И. Цветаевой экспрессивную, выразительную или воздействующую функции, приобретают те или иные метафорические оттенки.

Имена нарицательные в значении собственных используются для **обозначения явлений природы** (Буря, солнце Вечера, Восход, Закат, Богородица-Метель, Орден Льва и Солнца, Лебединый стан). Всего отмечаем 7 случаев. Явления природы помогают Марине Ивановне создать произведение, в котором присутствуют две реальности, причем мир мыслей и чувств, созданный поэтом, оказывается главенствующим, а явь отодвигается на второй план, становится доступной для познания только через призму метафор творца.

Со стилистической точки зрения имена нарицательные в значении собственных в текстах лирических произведений М. И. Цветаевой 1917–1921 годов выполняют **характерологическую функцию** (фиксируем 55 случаев): «*Всё великолепье // Труб – лишь только лепет // Трав – перед Тобой*», «*Трем Самозванцам жена, // Мнишка надменного дочь*», «*Ты – Лжедимитрию смогшая быть Лжемариной!*», «*Мне некий Воин молодой // Крыло подстелет*», «*Между рубахою и грудью – Ты сердце Матери везешь*». Примечательно относительно этой функции имени нарицательного в значении собственного *Всадник* в первом стихотворении из цикла «Георгий» («Ресницы, ресницы...») то, что имя *Георгий* в данном стихотворении не упоминается, он не именуется даже Святым, а воспринимается именно как Воин с трагической судьбой, вынужденный совершать кровопролитие, противное его душе, но неизбежное из соображений

служения чистоте: *«Победоносец, победы не вынесший»*. На протяжении всего стихотворения Цветаева раскрывает имя *Георгий*, вынесенное в заглавие, с помощью ассоциаций, которые возникают при вольной интерпретации сказания. Помогает ей именно имя нарицательное в значении собственного *Воин*, подчёркивающие социальное положение лирического героя и создающее традиционные для Цветаевой отсылки к трагической судьбе героя с глубоким внутренним миром. Это позволяет соотнести образ Георгия с Сергеем Эфроном, которому Марина Ивановна посвятила цикл, ведь для нее муж был, подобно Георгию, воплощением святости, вынужденным отправиться на Гражданскую войну и претерпевать все тяготы революционного времени для защиты своих идеалов.

Имена нарицательные в значении собственных могут выполнять **экспрессивно-выразительную функцию** (отмечаем 25 случаев). Многие лексические единицы, используемые Цветаевой, проецируют именно эту функцию, так или иначе с ней связано большинство выделяемых автором слов. Экспрессивно-выразительная функция взаимосвязана с выразительной, они могут дополнять друг друга, вместе реализовываться в одной лексической единице. Однако на примере некоторых имён в характерном контексте наиболее ярко проявляется значение экспрессивно-выразительной функции для раскрытия авторского замысла, создания метафорического и ассоциативного ряда: *«Боролись Промысел и произвол // В ворочающей жернова груди»*, *«Руки, которые не нужны Милому, служат – Миру»*, *«Нас увенчала – Лира»*, *«Встань, // Триединство моей души: // Лилия – Лебедь – Лира!»*, *«В орлином грохоте – // О клюв! О кровь! – Ягненок крохотный // Повис – Любовь...»*, *«Смущается Всадник, Гордится конь. Смущается Всадник, Снисходит конь»*.

«Работа» экспрессивно-выразительной функции имён нарицательных в значении собственных особенно заметна в характерном синтаксическом окружении лексем. К примеру, в стихотворении *«Закинув голову и опустив глаза»* слово *Промысел*, употребляемое как имя собственное для того, чтобы подчеркнуть религиозно-философское наполнение понятия, противопоставляется «произволу» – имени нарицательному. Игра в одном контексте с именами собственными и нарицательными позволяет Марине Ивановне, с одной стороны, возвысить одно понятие, сделать его величественным и призвать читателей относиться к нему с должным уважением и, с другой стороны, показать отрицательное отношение к другой лексеме, подчеркнуть ее семантическое ничтожество перед силой «Промысла». На фоне величия одного понятия негативный характер другого становится особенно явственным. Ситуация противоречия между «Промыслом и произволом», созданная Цветаевой на уровне синтаксиса, создаёт

ощущение поединка между понятиями, их борьба – не просто условный факт, упомянутый поэтом, читатель начинает верить в нее. Действительно, «Промысел и произвол» – однородные члены предложения, их «контакт» подчеркивается с помощью соединительного союза «и». Однако это позволяет Цветаевой ещё ярче подчеркнуть их борьбу, ведь, несмотря на формально-грамматическую близость, данные понятия резко противопоставлены. И именно игра с именами собственными и нарицательными позволяет это подчеркнуть. Экспрессивно-выразительная функция имени нарицательного в значении собственного проявляется и в том, что понятие *Промысел* является ключевым в контексте философско-религиозных рассуждений о божественном суде над непокорной душой лирической героини: «*Боролись Промысел и произвол // В ворочающей жернова груди*». Душа лирической героини достойна благословения всевышнего, несмотря на ошибки и своеволие, потому что она не знала покоя в поисках истины. Обратим внимание на то, что слово *произвол* не выделено Мариной Ивановной, посредством чего она подчеркивает – лирическая героиня достойна спасения, так как она всегда была на стороне провидения.

Имена нарицательные в значении собственных могут выполнять **воздействующую функцию** (42 случая): «*Без разбору я кошу, как Смерть косой*», «*Доблестным званьем Мирской Жены*», «*Там всё ему: и княжество, и рать, И хлеб, и Мать*», «*Высокий час, когда сложив оружие К ногам указанного нам – Перстом*», «*О этот час на подвиг нас – как Голос Вздымающий из своеволья дней!*», «*Солнце Вечера – добрее // Солнца в полдень. // Солнце Вечера – дороже // Песнопевцу!*», «*О тяжесть удачи! Обида Победы!*», «*Конь брезгует Гадом, // Ты брезгуешь гласом // Победным*», «*Во имя расправы // Крепись, мой Крылатый!*», «*Тогда по крутому // Эвксинскому берегу // Был топот Побега, // А будет – Победы*», «*Крепитесь! Кромешное дрогнет созвездье. // Не с моря, а с неба // Ударит Возмездье*», «*Блаженны дочерей твоих, Земля, // Бросавшие для боя и для бега*». Выделение данных лексем позволяет создать определенную эмоциональную картину, не только обратить внимание читателей на важный идейный контекст произведения, но и подчеркнуть его особенную атмосферу. С одной стороны, данные лексемы возвращают нас к главной мысли стихотворения, заостряют внимание на важных для автора идеях. С другой стороны, они отсылают нас к определенным символам, метаобразам, которые необходимы для создания в произведении «бытия», читатель теперь не только воспринимает идею произведения, он начинает жить в нем.

Воздействующая функция особенно важна для лирики Цветаевой, так как ее стихотворения рождаются на стыке реальности и чувственного восприятия писателем этой

действительности: в ее стихотворениях трудно найти портреты «жизни века», во всех картинах большее значение играют фантазия, мечта. Обратимся к более детальному рассмотрению нескольких примеров реализации воздействующей функции. В отрывке из стихотворения «Целовалась с нищим, с вором, с горбачом» имя нарицательное в значении собственного выполняет воздействующую функцию: *«Без разбору я кошу, как Смерть косой»*. Марина Ивановна сравнивает свою любовь со смертью, которая никого не щадит. Причем имя нарицательное в значении имени собственного приобретает в данной коннотации оттенок одушевленности. Смерть воспринимается Цветаевой как страстная, но мимолётная любовь: она величественна в отличие от греха, взятого на душу человеком-палачом, решившимся самовольно судить человеческую жизнь. Лексема используется в сравнении с использованием союза *как*, создавая ассоциацию *я – смерть*.

В стихотворении «О первое солнце над первым лбом!» имена нарицательные в значении собственных также выполняют воздействующую функцию: *«Врожденная рана высоких душ, О Зависть моя! О Ревность!»*. Данные языковые единицы используются в структуре риторических восклицаний, что позволяет автору подчеркнуть силу чувств, которые охватывают лирическую героиню. В данном контексте риторические восклицания и парцелляция показывают, что лирическая героиня сталкивается с крайним пределом накала чувств, которым негде найти исход. Зависть и ревность не одушевляются Мариной Ивановной в данном стихотворении, однако эти абстрактные понятия позволяют ёмко и эмоционально отразить внутренний конфликт лирической героини.

Имена нарицательные в значении собственных в рассмотренных нами текстах выполняют и **информативную функцию** (5 случаев). В редких случаях имя нарицательное в значении собственного не является средством характеристики, выразительности и воздействия, а служит для наименования конкретного объекта: *«В воротах, как Благая Весть»*, *«И взойдет в Столицу – Белый полк»*, *«В вывернутой наизнанку // Мантии Врагов Народа»*, *«Родоначальник – ты – Советов, // Ревнитель Ассамблей»*, *«Головою покоюсь // На Книге Царств»*. Лексема *Книга Царств* в стихотворении «А во лбу моем – знай!» выполняет информативную функцию. Она имеет философско-религиозную коннотацию. Поэт подчеркивает, что в его душе сконцентрировались все тайны мироздания, сердце его соединяет в себе рай и ад, которые не подчиняются законам цивилизации, они откликаются лишь ветрам и волкам. Истинная религия лирической героини Марины Ивановны – свобода, открывающая ей познание бытия, Книгу

Царств, которую она не изучает трепетно и восхищённо, а умиротворённо покоится на ней, так как воля является ее естественной стихией.

Таким образом, мы можем говорить о том, что нарицательные слова в значении имен собственных в художественном тексте играют большую роль: передают идею произведения, характеризуют лирических героев, воздействуют на читателя. Поэтому перспективным представляется дальнейшее исследование имен нарицательных в значении собственных в художественных текстах поэтессы других периодов творчества, в том числе и прозаических, что позволит более глубоко понять особенности идиостиля М. И. Цветаевой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия: Языкознание. – 2001. – № 4. – С. 82–85.
2. Магазаник Э. Б. Ономапозэтика, или «говорящие имена» в литературе. – Ташкент: Фан, 1978. – 146 с.
3. Москаленко Е. А. Лингвистическая сущность корреляции имени собственного и имени нарицательного // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 11–2. – С. 184–187.
4. Нерознак В. П. Ханичев Р. З. Апеллонимика: между именем собственным и именем нарицательным // Ежегодные международные чтения памяти кн. Н. С. Трубецкого (16–17 апреля 2001). «Евразия на перекрестке языков и культур». – Москва, 2002. – С. 180-182.
5. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская; АН СССР, Ин-т языкознания. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 187 с.
6. Современный русский язык: учебник / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина; под ред. Н. С. Валгиной. – М.: Логос, 2002. – 528 с.
7. Солнцева А. В. Имена нарицательные, образованные от имен собственных, и способы их перевода // Актуальные проблемы преподавания гуманитарных наук: теоретические и прикладные аспекты. Сборник научных материалов по итогам международной научно-практической конференции (Антибы, 2017). – Орехово-Зуево, 2017. – С. 174-176.
8. Суперанская А. В. Словарь русских имен. – М.: Эскмо, 2005. – 554 с.

9. Цветаева М. И. Стихотворения и поэмы. – Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1990. – 822 с.
10. Чернобров А. А. Лингвокультурология: основа интегрального гуманитарного знания (язык – философия – логика – психология – культура): учеб. пособие. – Новосибирск: Издательство НГПУ, 2006. – 332 с.